

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Ю.М. Коротченко

Валюативное моделирование коллективного сознания*

Коротченко Юлия Михайловна – кандидат философских наук, доцент. Кафедра философии. Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Российская Федерация, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, д. 4; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

В статье исследуются возможности моделирования интерпретационной активности коллективного сознания в духе философской аналитики. В качестве модели предложен коллажный конструкт, называемый валюативом, объединяющий в себе основные формы, средства, результаты интерпретационной активности коллективного субъекта – представления о героическом, враждебном, нормальном, ценном, а также язык, художественное творчество, идеологию. Наряду с вышеуказанными ключевыми свойствами – быть коллажным синхронизированным целым и содержать компоненты, такие, что каждая из них стремится покрыть все поле оценивания, будучи на самом деле функциональной в своих подструктурных границах, валюатив выполняет важные социальные функции. Было бы ошибкой раскрывать функции валюатива по его отдельным фрагментам и выделять соответственно героизирующую, нормативную и т. д. Валюатив представляет собой целостность своих идентификаторов, и поэтому его функции должны определяться как функции такого целого. Выделены функции валюатива: интерпретационная, мотивирующая социальное действие, организующая общности любого масштаба, дифференцирующая социум на «территории валюативов». При этом подчеркивается доминирующий характер интерпретационной функции и производность других. Анализируется структура интерпретационного процесса применительно к валюативной матрице. Объектом интерпретации является социальная реальность, ее отдельные фрагменты; средства интерпретации задаются строчками самой валюативной матрицы; результаты интерпретации представлены как объекты социальной реальности, которым поставлены в соответствие строчки валюативной матрицы. Важной особенностью валюативной модели является возможность внутреннего валюативного варьирования в зависимости от того, на какой компоненте валюатива производится его центрация. При этом никакая из возможных моделей валюатива не рассматривается как превосходящая другие объективно. Особо рассмотрена панаксиологическая модель как претендующая на господство и как основанная на спекулятивной по существу субстанциальной трактовке ценностей.

Ключевые слова: коллективное сознание, интерпретационная активность коллективного сознания, модели интерпретационной активности, валюатив, валюативная матрица

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ. Проект № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

Речь далее пойдет о компоненте коллективного сознания, благодаря которой осуществляются процессы осмысления, понимания, оценивания внешнего сознанию мира. Поскольку такие процессы являются формами интерпретационной активности, уместно назвать эту компоненту интерпретационной. Цена ее работы чрезвычайно высока. Интерпретационная активность может поработать и освободить, обманывать и раскрывать истинное положение вещей, может объединять людей, иницируя колоссальные усилия для достижения общего результата, а может – разбивать целое общество на никогда потом не объединяемые осколки. Интерсубъективная интерпретация социального мира ведет людей на коллективный подвиг, обеспечивает алиби террору, создает героев и врагов. Крах коллективной интерпретации в больших масштабах, например, если речь идет об обществе, неизбежно влечет глубокие социальные травмы не для одного поколения, как это произошло, например, в СССР, территорию которого до сих пор называют постсоветской. Именно в силу столь мощного трансформационного потенциала интерпретационных процедур, осуществляемых коллективным сознанием, так важна рефлексия этого явления.

1. Построение валюативной модели интерпретационной компоненты коллективного субъекта

В социальных науках накоплен более чем достаточный материал по проблематике всевозможных практик, осуществляемых как самим коллективным сознанием, так и силами, внешними по отношению к нему. Это исследования таких объектов, как масса, толпа, социальная группа, сообщество, страда, общность и ее частные варианты (например, нация), культура и цивилизация. Среди действий над коллективным сознанием обычно выделяют разные виды манипуляций с ним в тоталитарных схемах общественной жизни, а также деятельность внешних «врагов» некоторого данного коллективного сознания. Имеется ряд фундаментальных исследований интерпретационного центра, организующего людей вокруг общих представлений, смыслов, оценок. Отметим, по крайней мере, одну важную для нас особенность этих исследований: постановка фундаментальной стратегической концептуальной цели в подавляющем большинстве завершается частным изучением отдельно взятого случая проявления интерпретационной активности коллективного сознания, а богатейшее собранное эмпирическое содержание сводится к известным, но лишь частным ее формам. Общая природа таких частных форм как интерпретационных, самыми распространенными среди которых являются ценности и идеология, специально не рассматривается. Даже если речь идет о столь серьезных концептах, как социальное действие у М. Вебера, коллективное сознание в дюркгеймовском понимании, социетальное сообщество Т. Парсонса, габитус П. Бурдьё или смыслы социальной жизни Дж. Александера, все оборачивается редукцией к этике протестантизма, историческим формам солидарностей, нормативным механизмам регуляции общества как системы, описаниям частных сегментов жизни архаичных обществ и социальных классов (пусть даже в широком смысле), механизмам конструирования отдельных социальных реакций на отдельные политические события. Наблюдается также некоторая

фрагментарность в изучении коллективной интерпретации: анализируются ее отдельные формы и результаты, которым придается статус основных, главных и т. п.¹. Есть версии генерализирующих коллективные смыслы конструктов, мы выделим здесь коллективное верование, исследованное М.Ю. Морозовой как целостная система коллективных смыслов, разделяемых большими группами людей². Однако коллективное верование рассмотрено вне его интерпретационной природы, а процесс его формирования и функционирования – не как разновидность интерпретационных процессов.

В силу такого рода незавершенности изначально ставящейся задачи представляется важным построить обобщающую модель интерпретационной активности коллективного сознания. Такая модель является коллажным конструктом, который мы называем валюативом и который объединяет в себе «продукты» интерпретации социального мира коллективным субъектом, центрируя процессы осмысления социального мира коллективным сознанием. При этом такая модель не является акцентуированной изначально на основе только какой-либо особой природе этого фрагмента.

Термин «валюатив» был введен нами ранее³, здесь он получает существенное уточнение как базовый термин методологии валюативного анализа, прояснения ее эвристического потенциала, а также в аспекте возможностей внутреннего валюативного моделирования.

Удобно задать валюатив в виде матрицы с некоторым набором строчек или ячеек:

1. Персонификаторы валюатива (герои, мученики, враги):

– собственно имена;

– биографии, мифы и легенды, жизнеописания героев, мучеников, врагов с яркими образами мест почитания живущих героев; мест памяти о победах героев над врагами и гибели мучеников от рук врагов; мест захоронения героев и мучеников.

В нашей терминологии герои и мученики относятся к валюативно зрелым людям, способным жертвовать собой и другими во имя валюатива.

2. Нормы и традиции:

– правовые нормы – границы дозволенного законом;

– не закрепленные в правовых документах социальные нормы поведения и морали в целом – границы дозволенного коллективным субъектом;

– наказания и поощрения.

3. Ценности – отдельные необходимости, предметно категоризируемые субъектом S и используемые им в целях, потребностях, функциях, жизнедеятельности; содержание мира, описываемое в терминах предпочтения.

¹ Особое место занимают исследования ценностей как конституэнт социального единства. См., в частности: *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Высшие ценности Российского государства. М., 2012; *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы* / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М., 2003 и др.

² *Морозова М.Ю.* Коллективное верование как предмет социально-философского исследования Дис... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/kollektivnoe-verovanie-kak-predmet-sotsialno-filosofskogo-issledovaniya> (дата обращения: 22.11.2015).

³ См. *Коротченко Ю.М.* Валюатив: опыт структурного определения // Уч. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия». «Культурология». «Политология». «Социология». 2011. Т. 24 (63). № 3–4. С. 35–45.

4. Формы репрезентации валюатива, в том числе язык, художественное творчество, идеология и пр.

Язык валюатива:

– оценочные маркеры – языковые грамматические и лексические эквиваленты персонификаторов, ценностей, норм, возвеличивающие или уничижающие языковые выражения или стили речи;

– предложения и тексты, содержащие такие маркеры (о структуре таких предложений и текстов);

Неязыковые формы репрезентации валюатива:

– невербальные или комбинированные знаковые системы, репрезентирующие составляющие валюатива в искусстве, идеологии и т. п.

К валюативной матрице добавляется некий интерпретационный слоган валюатива – краткая формула, начертанная на его знамени – буквальном или метафорическом. По этому слогану, даже если еще неизвестна, не предьявлена вся валюативная матрица, можно определить, какой валюатив будет перед нами. Основная функция такого слогана – выражать в концентрированной форме содержание валюативной матрицы в целом. Интерпретационный слоган способен, в силу ярких формулировок, мобилизовать участников интерпретационных процессов, укреплять их дух. Скажем, на митингах или демонстрациях он периодически провозглашается организаторами и их помощниками и обычно подхватывается толпой, действуя почти рефлекторно в силу многократного повторения и уходя в своих истоках в ритуальные заклинания. В советскую эпоху такие слоганы были повсюду: на фасаде жилого дома можно было прочесть о том, что Ленин жив, что мы придем к победе коммунистического труда и т. п. Валюативные слоганы есть и у менее масштабных, чем государство, сообществ – везде, где есть валюатив. Последний нуждается в таком подытоживающем штрихе, ключе, способном открыть сердце носителя валюатива. Мобилизующая сила валюатива ни в чем так не проявляется, как в воздействии на его агентов интерпретационного слогана во время валюативных мероприятий.

Заданную упорядоченную четверку удобно рассматривать как матрицу, ячейки которой дифференцируют внеположенный валюативу мир так, как это предполагается валюативом. Таким образом, данная матрица оказывается своеобразной мастерской, «машиной», формирующей «горизонты», «объемы», «точки», «плоскости» смыслов пропускаемого через коллективное сознание материала социальной реальности.

2. Социальные функции валюатива коллективного сознания

Как правило, уже сформировавшийся и действующий валюатив развитого сообщества обладает всеми вышеперечисленными идентификационными показателями. Другие свойства валюатива будут во многом производны от этих основных. Так, его внутренние составляющие не являются иерархически организованными. Каждая из них покрывает свою зону поля интерпретации. Например, при вынесении решения суда не учитывается общественное мнение, выраженное в ценностях, социальных нормах, традициях и т. п., учитывается

только правовая норма. И внутри отдельной зоны интерпретации реальности эти границы более или менее очевидны. В то же время в составе валлоатива как целого наблюдается тенденция для каждой из его составляющих центрировать все валлоативные критерии на себя. Каждая из таких подструктур одновременно с другими претендует на достаточность себя как критерия социальной интерпретации.

Что может сдерживать эту тенденцию? Очевидно, потребности сообщества, выработавшего валлоатив. Например, в примитивных бесписьменных обществах с отсутствующей правовой системой в обычном для нас смысле основным критерием оценивания будет соответствие или несоответствие образу героя, как о нем рассказывает эпос. Все остальные компоненты можно будет «вывести» из этого эпического источника.

Наряду с вышеуказанными ключевыми свойствами – быть коллажным синхронизированным целым и содержать компоненты такие, что каждая из них стремится покрыть все поле оценивания, будучи на самом деле функциональной в своих подструктурных границах, валлоатив выполняет важные социальные функции. Было бы ошибкой раскрывать функции валлоатива по его отдельным фрагментам и выделять, соответственно, героизирующую, нормативную и т. д. функцию. Валлоатив представляет собой целостность своих идентификаторов, и поэтому его функции должны определяться как функции такого целого. Главная же из них, естественно, интерпретационная. Она осуществляется во многих направлениях и связана с различными стадиями интерпретационных процессов. В этом смысле валлоатив выполняет функцию интерпретации в познавательной активности коллективного сознания. Подчеркнем здесь, что валлоатив в интерпретационных процессах занимает центральное место, задавая критерии, границы и перспективы осмысления, понимания и оценки мира социальными субъектами.

Вторая функция валлоатива, на которую мы обращаем внимание, – мотивационная. Валлоатив способен мотивировать социальное действие, в этом случае определяемое как валлоативное. Такое действие соотнобразуется с содержанием матрицы конкретного валлоатива. В случае тоталитарного валлоатива такими становятся любые действия людей, принявших его. Однозначная валлоативная мотивированность действия характеризует валлоативно зрелого человека, способного к крайним доказательствам своей приверженности валлоативу.

Еще одной важной функцией валлоатива является организующая по отношению к объединениям людей любой степени общности (от сравнительно малочисленных до максимальных, таких как, скажем, цивилизации). Развитое устойчивое объединение людей или социальный институт нуждается в валлоативе и, в конце концов, вырабатывает его. Безусловно, имеют место какие-то внешние факторы, объединяющие людей: экономические, исторические и т. п. Однако устойчивость, живучесть, трансляцию в будущее этим объединениям сообщает наличие в них такого ядра, как валлоатив. Есть валлоативы малых социальных групп – отдельно взятых коллективов (например, производственных) или субкультурных объединений (например, в преступном мире). Здесь актуализируются вопросы, связанные с соотношением индивидуальных оценок у отдельного субъекта, принадлежащего сообществу, и оценок, в их совокупности навязываемых валлоативом. Можно говорить о валлоативной состав-

ляющей и более крупных общностей – политических партий, религий, наций, цивилизаций. В этом случае приобретают остроту проблемы, связанные как с возможностями конструирования новых валюативов, а значит, и новых общностей, с прогнозированием вариантов поведения и развития таких общностей, так и со столкновением разных, вплоть до полярности по своим основным строчкам, валюативов. При этом важно также иметь в виду коллажность внутренней структуры валюатива.

Например, С. Хантингтон, говоря о политических институтах и социальных силах (этносы, религия, род деятельности и т. п.) как о двух составляющих политической общности, отмечает, что только «простое политическое сообщество может иметь своим основанием этническую, религиозную принадлежность или род занятий и не нуждаться в высокоразвитых политических институтах. Оно характеризуется единством в смысле дюркгеймовской механической солидарности. Чем, однако, сложнее и неоднороднее общество, тем в большей мере достижение и поддержание политической общности становится зависимым от функционирования политических институтов»⁴. Однако тут же присутствует замечание о сложности различения политических институтов и социальных сил на практике, они оказываются взаимопроникающими, часто подменяющими друг друга и т. д. не только при простом политическом устройстве. Теоретически эта сложность, по Хантингтону, разрешается на основании того, что никакая социальная сила не победит развитый и легитимизированный политический институт: «Порядок... может существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка»⁵. Почему же политический порядок в своей узаконенной форме оказывается более устойчивым, что сообщает ему такую устойчивость, внутреннюю организованность? Является ли она вечно ему присущей? Последний вопрос – риторический. Ясно, что смена политических порядков под воздействием социальных сил имеет свою известную реальную историю. Противостояние же политических институтов и социальных сил – это, в конечном счете, борьба валюативов. Валюативный анализ дает возможность рассмотреть такие общности сначала вне их погруженности в конкретный социум – сами по себе, а затем, обнаружив в них то, что мы назвали валюативом, «вернуть» в обычную среду. Эта среда – общество в целом – тогда предстанет перед нами как включающая множество разных валюативно детерминированных институтов, социальных сил, субкультур, групп, внутренне организованных, но детерминирующих только себя. Было бы идеально, например, чтобы такой сильный институт, как право, детерминировал все поведение всех людей. Но статистика преступности и живучесть валюативов преступного мира свидетельствует о некоторой ограниченности его возможностей.

Борьба валюативов может расшатать социум до внутреннего конфликта предельной разрушительной силы. Для того чтобы ее остановить, изменения объективной ситуации недостаточно: ценности побеждаются ценностями, героя побеждает только герой, а не внешняя реальность. Необходимым в таких условиях становится конструирование общего для противостоящих сторон валюатива. Разработка объединяющего валюатива требует усилий философов,

⁴ Хантингтон С.Х. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В.Р. Ракинтянского. М., 2004. С. 26–27.

⁵ Там же. С. 27.

правоведов, социологов, политических аналитиков, историков, культурологов, искусствоведов, лингвистов. Результат таких усилий был бы чрезвычайно конструктивным для расколотого или раскалывающегося общества. Нет валюатива – нет и того, что на нем может держаться. В случае достаточного интеграционного потенциала валюатив выполняет также функцию взаимной интеграции разных составляющих как социальной структуры, так и своих компонентов. Для этого валюативная матрица должна быть наполнена содержанием, неантагонистичным для ключевых социальных акторов.

Наконец, можно говорить о функции валюатива, заключающейся в дифференциации социума на территории валюативов со своими коллективными субъектами, с отношениями между ними, с открытыми или, напротив, замкнутыми границами, с особенностями осмысления мира и т. д.

3. Интерпретационная природа валюатива. Валюативная центрация социальных интерпретаций

Среди вышеперечисленных функций валюатива основной является, как уже говорилось, интерпретационная, и на ней в связи с ее особым статусом хотелось бы остановиться специально. Философия располагает двумя традициями в вопросах изучения интерпретационных процедур – это герменевтика и аналитика. Оставаясь в своих границах, эти традиции, как ни тривиально это прозвучит, дополняют друг друга и создают некое целостное видение интерпретационной составляющей социального. Если герменевтика позволяет в принципе поставить вопрос о важности исследования общества с точки зрения интерпретационных практик, то аналитика в свою очередь детализирует механизмы интерпретации как таковой, описывает язык интерпретации, прогнозирует возможные практики конструирования высказываний на этом языке, предлагает модели интерпретационной активности, демифологизируя ее «продукты», которые классически рассматривались автономно от их интерпретационной природы. Наше исследование принадлежит именно аналитике функции интерпретации валюатива, но при этом мы восстанавливаем «историю вопроса»: анализ пришел в социальное знание позже и в связи с этим «благодаря» герменевтическому повороту в данной области философских исследований.

Так, П. Рикёр в работе «Модель текста: осмысленное действие как текст» обосновывает герменевтический статус социальных наук двумя их особенностями: «1) поскольку их *объект* обнаруживает некоторые черты, конститутивные для текста как такового, 2) поскольку в их *методологии* разрабатываются процедуры, аналогичные “Auslegung” или интерпретации текста (курсив П. Рикёра. – Ю.К.)»⁶. В конструируемой Рикёром герменевтической парадигме социальных наук первичным остается понятие текста, причем, подчеркивает Рикёр, текста, подлежащего процедуре “Auslegung”, т. е. истолкованию, экзегезе. Такие тексты состоят из знаков, «которые зафиксированы письменно, включая все виды документов и памятников, допускающих фиксацию, схожую

⁶ Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст / Пер. с англ. А.В. Борисенковой; под науч. ред. А.Ф. Филиппова // Социол. обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25.

с письменной»⁷, т. к. лишь в письменной речи утрачивается совпадение интенции автора и смысла текста, то, о чем говорит написанный текст, начинает значить больше, чем пресловутое «что хочет сказать автор».

Для нас в этой связи важно, что герменевты акцентировали интерпретационную компоненту социального мира, сделав ее автономным предметом изучения, более того, они показали, что социальное является не только предметом, но и продуктом интерпретации, что коммуникативные процессы и тексты, производимые в социуме, даже если они и не имеют непосредственно остенсивной референции, создают собственные референциальные связи и миры: «... мир, – пишет Рикёр, – это совокупность референций, открываемых текстами»⁸.

Валюатив, конечно, находится в таком поле. Он именно трансформирует объекты, на которые, в том числе, можно указать остенсивно, в объекты проинтерпретированные, срастающиеся со своими валюативными именами, существующие в особом мире – мире, созданном интерпретацией, а нашем случае – валюативом. Но то, что происходит с этим конструктом потом, после того, как мы зафиксировали факт его принадлежности к интерпретационному пространству, должно быть исследовано на основе аналитики с ее критикой спекулятивности и всем, что производно от этой критики.

Итак, валюативная интерпретация социального несет в себе родовые характеристики интерпретации вообще, предполагающей наличие объекта, средств и субъектов. Объектную область интерпретации или то, на что интерпретируется валюативная матрица, составляет социальная реальность: люди, их поступки, социальные институты, процессы, политические силы, их деятельность и т. п. Средства интерпретации – это имена отдельных строчек валюативной матрицы. Помысленная как абстрактная, нефиксированная модель, т. е. как не примененная к конкретному субъекту коллективной интерпретации, она нейтральна, в своем роде «пуста». Имена ее строк – «герой», «враг», «норма», «ценность» и др. – есть лишь ярлыки, которые в случае фиксированного валюатива конкретного сообщества окажутся «склеенными» с элементами социального мира – людьми, поступками людей, социальными институтами, политическими силами и т. д. – в сознании тех, кто себя с этим сообществом ассоциирует. Иными словами, нечто *становится* для какого-то коллективного субъекта героическим, враждебным, нормальным, ценным, обретает соответствующие этим концептам имена в языке, увековечивается в произведениях искусства и приобретает идеологический статус, а не является таковым изначально и для всего общества в целом.

Субъектную сферу в валюативной интерпретации представляет, во-первых, субъект-носитель валюатива. Это некое коллективное сознание, объединяющее разных индивидов одинаковыми или сводимыми к одинаковым связями между объектами и средствами интерпретации. Например, некоторого X все они считают героем, а Y – врагом; некоторое действие Z – преступлением; некоторое явление G – ценным. В тоталитарном социуме с одним довлеющим валюативом, таким, который будет присутствовать в валюативах частного порядка, по сути, подобный субъект будет единственным легитимным.

⁷ Рикёр П. Указ. соч. С. 25.

⁸ Там же. С. 28.

В обществах с валюативным многообразием допускаются различные векторы валюативной коммуникации – от частичного совпадения до открытого антагонизма, о котором говорилось выше.

Таким образом, среди всего многообразия социальных процессов особое место занимают интерпретационные, являющиеся осмысленно-центрированными и способными выполнять организующую функцию для устойчивых сообществ. Роль центра играет выделенная нами комплексная коллажная целостность – валюатив, характеризующаяся константными в основных позициях идентификационными показателями, включая личностные воплощения смыслов – персонификаторов валюатива (героев, мучеников, врагов), ценности, нормы, язык функционирования, культуру и искусство, идеологию. Но эта модель может иметь свою вариативность: она может быть по-разному центрирована изнутри. И тогда правомерно говорить о моделях самого валюатива.

4. Возможности внутреннего моделирования валюатива. Критика панаксиологической валюативной модели

Важнейшей чертой центрированной валюативной модели является то, что строчка валюативной матрицы, на которой осуществляется центрация, становится родовой по отношению к остальным, которые определяются уже через эту строчку. Например, в героцентристском валюативе все строчки определяются через происхождение, жизненный путь и «жизнь после смерти» героя: это ценно, потому что это обнаруживается в личности героя, эти поступки нормальны, потому что они аналогичны поступкам героя, это суждение или поведение идеологически верны, потому что вписываются в идеологию, провозвещенную героем и т. д. В отечественной истории известны попытки построения тоталитарного валюатива внешне героцентристского, но, по сути, с центрацией на оппозиции «герои–враги», причем враги были не меньшей по значимости силой, мобилизующей коллективного носителя такого валюатива, нежели герои.

Особого внимания заслуживает валюативная модель, центрированная на ценности, причем на ценности, понятой абстрактно. Это понимание ценностного восходит к классической аксиологии и в самой современной аксиологии во многом изжито. Однако на уровне социальных практик, относящихся к конструированию масштабных идентичностей, к формулировке национальных идей, государственных идеологий, ценности без специальных редукиций к наблюдаемому, фактическому, реально необходимому, составляющему потребности и интересы людей сохраняют свое господство. В связи с этим важно обратиться к вопросу об основаниях панаксиологической валюативной модели.

Так, М. Шелер, по существу, предлагает аналог жестко аксиологической модели интерпретации, называемый им “*Ordo amoris*”, или «порядок любви и ненависти». Этот порядок представляет собой центрирующее начало в поведении и этосе человека или группы: «Исследую ли я индивида, историческую эпоху, семью, народ, нацию или любые иные социоисторические единства на предмет их интимнейшей сущности, – самым глубоким образом я познаю и пойму ее тогда, когда познаю всегда неким образом расчлененную систему ее

фактических ценностных оценок и ценностных предпочтений. Эту систему я называю этосом этого субъекта. А подлинная сердцевина этого этоса – это порядок любви и ненависти, форма строения этих господствующих и преобладающих страстей...»⁹. И далее: «Кто узнал *ordo amoris* человека, тот узнал и его самого»¹⁰. *Ordo amoris* наглухо замкнут на себя, является единственным и не допускает иных измерений. Интерпретация мира и принятие решений, определяющих судьбу человека или группы, осуществляются как взгляд сквозь окошки ценностной раковины – образ принадлежит Шелеру. Субъект, этот моллюск с латинским названием “*ordo amoris*” (если несколько развить метафору) пожизненно носит свою раковину на себе, может спрятаться в нее, но утрата панциря равнозначна абсолютной уязвимости и гибели. В результате интерпретации мира с точки зрения *ordo amoris* внешний субъекту мир и ценностный центр личности или группы неизбежно должны совпасть, а то, что не видно сквозь просветы ракушки, что не предзадано *ordo amoris*, для субъекта не существует. В этом смысле внешний мир, возможный лишь в пределах такого порядка, также неизбежно должен совпасть с судьбой субъекта, несущего на себе свой ценностный дом – *ordo amoris*. «Заклучите меня в скорлупу ореха, и я почувствую себя повелителем бесконечности», – говорил, притворяясь безумным, принц Гамлет, сам для себя, однако, в своей разумной ипостаси избравший трагическую судьбу. Как происходит рождение судьбы шелеровского субъекта? Она не есть результат волений или желаний, целеполагающей активности ради блага. Судьба индивида, взятого отдельно, или члена общности формируется в результате «постепенной функционализации первичных ценностных объектов его любви в раннем детстве...»¹¹. Судьба есть, следовательно, *ordo amoris* де-факто. Предопределенность содержательного наполнения жизни субъекта тем, как устроен его *ordo amoris*, как раз и вынуждает вместо слова «жизнь» использовать в аксиологии Шелера слово «судьба». Валюативная функция ценностей, таким образом, в ценностноцентристском валюативе – конституирующая и сам валюатив, и субъекта-носителя какого-либо, но всегда только одного валюатива.

Естественно предположить, что если есть *ordo amoris*, то должен как-то полагаться его антагонист; Шелер использует выражение, принадлежащее Паскалю, – “*désorder du coeur*”, что понятно, ведь *ordo amoris* у Шелера – сердцевина этоса. В латинском варианте термина, обозначающего валюативную ценностноцентристскую модель осмысления (у Шелера – переживания) субъектом мира и самого себя, нет такого компонента, как ненависть. Но очевидно, что предлагаемая чрезвычайно строгая, необратимо детерминированная структура интерпретационной активности сознания может задавать лишь бинарную матрицу, причем любовь обеспечивает внутреннюю гармонию и целостность субъекта, а ненависть направлена вовне на объекты, угрожающие этой гармонии и целостности. Угрозы исходят от «беспорядка в сердце», или «смущения» порядка любви, от ощущаемого нами отклонения от правил порядка: «Мы чувствуем, где и когда от него уклоняемся, где и когда поддаемся... “ложным тенденциям”», и только в этом все снова повторяющемся ощуще-

⁹ Шелер М. Избр. произведения / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова; под ред. А.В. Денежкина. М., 1994. С. 341.

¹⁰ Там же. С. 342.

¹¹ Там же. С. 345.

нии, как бы в разграничительных линиях его отдельных моментов, сопряженных в некое целое, в некий образ личности, на поверхность выступает образ нашего предназначения...»¹². Имеет место, таким образом, некая диалектика порядка/беспорядка, организующая судьбу: предназначение, предопределенное порядком, состоит в том, чтобы вытеснять, умерщвлять, исключать из целеполагания «ложные тенденции» беспорядка. Бинарность («все или ничего», «жизнь или смерть», «истина или ложь») содержит в себе некоторый пафос, и он в полной мере становится явственным в термине «предназначение». В связи с полаганием собственной онтологии для ценностей язык их описания становится исключительно аксиологическим – и ценностным, и оценочным: не цель, а предназначение, не жизнь, а судьба, не правила, но *ordo amoris*... Где же покоятся ценности порядка любви? Аксиология Шелера, однозначно центрированная на ценностях, закрытая для всего иного, чем она, апеллирующая к понятию любви, исполненная этического смысла, не просто тотальна – она глубоко религиозна. В конце концов, мы должны были прийти к некоему единственному источнику всеобщей любви, который и порождает порядок любви, является вселюбящим и в этом смысле – совершенно упорядоченным, и им является, конечно же, по Шелеру, бог. «Цели и сущностные идеи всех вещей, – пишет Шелер, – предлюбимы, предмыслимы в нем»¹³. «Итак, – формулирует кредо своей аксиологии Шелер, – *ordo amoris* есть сердцевина миропорядка как порядка божьего. В этом миропорядке находится и человек. Он находится в нем как достойнейший служения и свободнейший слуга божий и лишь как таковой может называться и господином творения. Лишь *та* часть *ordo amoris*, которая принадлежит ему, свойственна ему, должна быть здесь принята в расчет»¹⁴. Затем Шелер устанавливает собственно порядок любви, говоря о существовании истинной и ложной любви, достойного или недостойного любви и т. д. Эти аспекты учения о ценностях Шелера мы здесь детально излагать не будем, достаточно контурного описания. Его аксиология представляет для нас интерес в качестве эффективной попытки построения ценностноцентристой модели валлоатива в категориально общей форме.

В аксиологии считается, что первым критиком панаксиологизма стал М. Хайдеггер. Мы покажем, однако, что метафизическая установка Хайдеггера не только ограничила аксиологическую экспансию, но и придала ценностям необходимо-бытийственный статус. Ценности у Хайдеггера потому имеют свое бытие, что бытие изначально ценностно. В связи с этим мы бы рассматривали Хайдеггера не как критика панаксиологизма, но как его апологета от метафизической онтологии. В работе «Письмо о гуманизме» он, по сути, критикует и характерное для обыденного мышления (а значит, и для массового сознания) отождествление противоречия, не исчерпывающего универсум, но приоткрывающего всю остальную, отличную от отрицаемой его часть, с противоположностью, фиксирующей лишь один, но зато полярный исходному сегмент универсума. Так, обыденному сознанию свойственно в ответ на критику гуманизма выдвигать обвинения в прославлении варварской жестокости; на предложение ослабить логическую жесткость – упрекать в оправдании иррационализма. Возражения же против панаксиологизма

¹² Шелер М. Указ. соч. С. 349–350.

¹³ Там же. С. 352.

¹⁴ Там же.

вызывает «ужас от... философии, дерзающей пренебречь высшими благами человечества. Ведь что может быть “логичнее” вывода, что мыслитель, отрицающий ценности, должен с необходимостью объявить все никчемным?»¹⁵. При этом то обстоятельство, что ценностью может быть всегда ценность чего-то и что это нечто имеет внеценностное бытие, остается второстепенным, незамеченным и потому пренебрегаемым. Но мы же рассуждаем о вещах самих по себе, не как о ценностях, а как о сущем. Вещь может быть потенциально ценной или потенциально оцененной положительно или отрицательно, но она может существовать и вне ценностного измерения. Тогда последнее есть результат придания вещи аксиологических свойств на основе ее характеристик как сущего, и это, в свою очередь, означает, что, по крайней мере, не может быть речи о такой иерархии мира, где внеценностное детерминировано ценностями в силу онтологической первичности последних. Хайдеггер по этому поводу пишет: «Из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки. Но то, чем нечто является в своем бытии, не исчерпывается предметностью, тем более тогда, когда предметность имеет характер ценности. Всякое оценивание... есть субъективация. Она оставляет сущему не быть, а – на правах объекта оценки – всего лишь считаться. В своих странных усилиях доказать объективность ценностей люди не ведают, что творят»¹⁶.

Истоки онтологизации ценностей Хайдеггер усматривает в платонизме, в котором подлинным бытием обладала идея, а не вещь, идеи подвергались иерархизации, а идеей идей была явно ценностная и одновременно обладающая онтологией идея блага – чего-то хорошего, добродетельного, годного и подчиняющегося правилу. Иными словами, главное в идее блага – делать сущее годным для того, чтобы оно было сущим; мир вещей становится тогда, будучи обусловленным идеями вообще, обусловленным в своей предельной форме ценностью – Благом. Так находит свое обоснование аксиологическая метафизика. Европейское философское мышление оказывается заключенным в ловушку метафизической идеи бытия, которое есть все: в нем и предмет, и его постижение, и вещь, и идея о ней, и предмет оценки, и сама оценка. Но почему так произошло, что именно идея блага стала идеей идей для Платона и современных адептов аксиологического экстремизма, обеспечивая им моральное алиби и привлекательность в сравнении с нигилизмом или позитивизмом? Ценность, говорит Хайдеггер, есть лишь имя, нуждающееся в истолковании. Что такое «придание ценности»? Это всегда оценка, которая предполагает, во-первых, разделение объекта оценивания и саму оценку, а во-вторых, сравнение объектов оценивания между собой, выделение среди них таких, на которые «можно рассчитывать», которые являются годными, которые удовлетворяют условиям его бытия в качестве такового, т. е. в качестве ценного. Такого рода расчет Хайдеггер называет сущностным, и он, этот сущностный расчет, есть «основная черта того оценивания, через которое все оцененное и расцененное в качестве обуславливающего имеет характер “ценности”»¹⁷.

¹⁵ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993. С. 210.

¹⁶ Там же. С. 212.

¹⁷ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993. С. 165.

Специфика философствования Хайдеггера состоит, в частности, и в том, что то, в чем он изначально, как может показаться, сомневается, а на самом деле, о чем он просто спрашивает, затем оказывается реконструированным в его истории философии и метафизике. Изначально поставив под сомнение идею ценности как субстанции, Хайдеггер затем обнаруживает ее в бытии, но еще сохраняются некоторые сомнения, уходящие, впрочем, после истолкования оценивания как процедуры обнаружения некоторых свойств у вещей – объектов оценки, делающих их «годными для». Однако метафизическая установка, погружение оценивания в поле бытия, а только потом – сущего, неизбежно будет онтологизировать ценности, т. к. бытие полагает собой все, что только может быть, в том числе и ценность. Поэтому на уровне сущего мы получаем вещи уже получившие статус ценных в бытии, и первичная критика ценности как положенного первично теряет свой пафос. Хайдеггер просто полагает, что прежде, чем сказать, что у ценностей есть своя онтология, надо бы в этом усомниться. А потом приходит к тому, что такая онтология есть, таким образом, оставляя непоколебленным аксиологический фундаментализм. Для нас, однако, в концепции ценностного Хайдеггера интерес представляет внерелигиозность трактовки онтологии ценностей, констатация возможного слияния объекта оценки и самой оценки, обнаружение в вещах качеств, которые могут сделать их ценными, но при этом признание того, что вещи могут существовать и вне своего ценностного или оценочного измерения, хотя, согласно Хайдеггеру, временно и не по своей бытийственной сути.

Отметим, что абстрактно-аксиологическая установка, сводимая, в конечном счете, к тезису «Ценно, потому что ценно», превращается в навязывание ценностей, что, как показывает отечественная история, является, скорее, вредным для общества, чем способствующим его оздоровлению. Никакие меры по «внедрению» ценностей не будут эффективными, если ценности не будут обоснованными с точки зрения опыта, наблюдаемой реальности, актуальных условий и если это обоснование не выдержит проверку на логическую корректность. Спекулятивные теории ценностей, в которых ценности самодостаточны, субстанциальны и не должны объясняться посредством выхода в эмпирию, конкретизируются затем в пропагандистских, но при этом все же абстрактных, рассуждениях. В сообщениях о ценностях самих по себе, в особенности в социальной коммуникации, в сообщениях, обращенных к массовому сознанию, всегда есть замалчиваемые или искажаемые факты, а попытки обнаружить и обнародовать эти факты встречают ответные репрессивные меры.

Итак, можно говорить о тенденции онтологизации ценностного, которая неизбежно приводит к центрированию валюатива на ценностной составляющей, к построению жесткой, не допускающей сосуществования с Другим, который может быть только альтернативным валюативом. Здесь, в онтологизации ценностного, снимающей вопрос об определении ценности, потому что она может быть определена только через саму себя, находится источник аксиологической экспансии. Такого ранжирования, иерархизации мира, удваивающей мир на выполняющий условия главной ценности или противоречащий им, как это происходит в панаксиологической модели валюатива, больше не встретить нигде. Настоящая валюативная зрелость, замыкающая субъекта внутри валюатива и не дающая ему даже возможности выхода из него, наиболее

эффективно достигается здесь – в модели валюатива, наделяющей ценности собственной автономной природой. Итак, введем понятие панаксиологической модели валюатива: это такой способ валюативного моделирования интерпретационной активности коллективного сознания, при котором все составляющие валюативной матрицы определяются через ценности валюатива так, как если бы они не имели автономного от ценности содержания, но при этом сама ценность трактуется как обладающая собственной субстанциальной онтологией. Например, норма определяется как легализованная ценность, герой – как проводник ценности, враг – как тот, кто угрожает ценности, мученик – как тот, кто осознанно жертвует собой ради ценности, язык – как язык, описывающий ценности, идеология – как аксиология валюатива и т. д. Все остальные строчки валюативной матрицы оказываются избыточными, вырожденными. Создается впечатление достаточности абстрактно-ценностного обоснования интерпретационных процессов в социуме. Но это лишь иллюзия. Панаксиологическое моделирование социальной интерпретации неправомерно искажает палитру такой интерпретации, делая ее заведомо неполной.

5. Базовые положения методологии валюативного анализа

Сформулируем основные положения методологии валюативного анализа коллективного сознания в функции интерпретации.

1. Объектом валюативной аналитики является коллективное сознание – сознание людей, объединенных в сообщество. Сообщество не может быть более свободным, чем оно свободно в своем сознании; сообщество не может быть более единым, чем оно едино в своем коллективном сознании; сообщество не может быть более успешным, чем оно успешно в сознании, и т. д. Мы это понимаем и выставляем это понимание в качестве первого принципа валюативной методологии. Какими бы ни были объективные факторы свободы, единства, процветания и т. п., все они работают через посредство сознания. Последнее остается связующим звеном между объективным фактором объединения и, скажем, самим фактом этого объединения.

2. Предметом валюативной методологии в большей своей части является интерпретационный центр всех материалов коллективного сознания.

3. Технологически валюативная методология исследования интерпретационной компоненты коллективного сознания соответствующего сообщества состоит в построении некоторой матрицы и, по сути, сводится к совокупности ответов на вопросы, подразумеваемые отдельными ее строчками:

- кто ваши герои, кто мученики за вас, кто ваши враги?
- что для вас нормально, традиционно, что преступно; за что вас покарают, наградят?
- каковы ваши ценности?
- на каком языке вы говорите о своих героях, мучениках, врагах, ценностях, нормах и т. д.?
- какое художественное творчество репрезентирует ваших героев, мучеников, врагов, ваши ценности и т. д.?
- какова идеология, обосновывающая вышеперечисленные компоненты?

Отдельные строчки валюативной матрицы выступают своеобразными фильтрами сознания, благодаря которым предмет интерпретации принимается полностью или частично, принимается с исправлениями и т. д. К валюативной матрице прилагается валюативный слоган, выражающий основное чаяние носителей валюатива. В традиционных сообществах роль слоганов выполняли, например, афоризмы.

4. Как уже сказано, содержание валюатива раскрывается в ряде строчек, приведенных выше. Каждая из строчек самостоятельна и никогда не бывает полностью сводима к другим. Существует при этом возможность центрировать все содержание валюатива на каком-то выбранном фрагменте валюатива. Итогом такой центрации и будет уже фиксированная модель. В результате исследование коллективных субъектов в рамках предлагаемой методологии получает серьезное продолжение во внутреннем валюативном моделировании. Исследование приобретает алгоритмическую направленность – начинается с объекта (коллективное сознание), предмета (интерпретационная компонента коллективного сознания), затем касается валюативной матрицы сообщества и, наконец, выходит в зону внутреннего валюативного моделирования.

5. В рамках валюативной методологии все модельные построения валюатива равноценны в том смысле, что они – единицы одной категории. Поэтому всякая попытка абсолютизировать, возвысить одну модель над другими, заменить одной моделью все прочие представляется формой интеллектуальной агрессии и вызывает протестное настроение. Выше (предыдущий принцип) мы отмечали несводимость каждой из строчек валюатива к другим полностью. Каждая строчка «покрывает» свой интерпретационный сектор и таким образом вместе с другими обеспечивает полноту и достаточность валюативного содержания. Как бы ни хотелось сторонникам панаксиологической модели все объявить основанным на ценности и назначить всему цену, такие попытки заведомо обречены. Аналогичным образом ограничена идеологическая модель: не все можно идеологизировать, оптики национальных идей, идей коммунизма, либерализма и т. д. не могут охватить всего содержания интерпретационного материала, равно как и не все можно подогнать под триаду валюативной персонифицирующей дуги.

Валюативная методология дает возможность идентифицировать важнейшие составляющие всякого сообщества – его валюатив, интерпретационную матрицу и модели самого валюатива. Этого достаточно, чтобы изучить сообщество на предмет святого, легитимного, самого дорогого – с одной стороны, и враждебного, неприемлемого – с другой. В этом смысле, например, всякий, кто не знает валюатива общества той страны, в которую отправляется, рискует быть проинтерпретированным с позиций этого валюатива как его враг. Пренебрежение валюативной спецификой дорого обходится человечеству. Глобализационные проекты мирового господства в различных формах – от светских до религиозных, терпят крах именно в силу локально-валюативного неприятия.

В заключение отметим, что интерпретационные средства познавательной активности индивидуального, а тем более коллективного сознания напоминают диссипативную структуру, рассредоточены, вступают в интерпретационные процессы ситуативно, от события к событию или событиям. В стихийно

сформировавшемся сознании это, несомненно, так. Конечно, есть некоторые константы работающей части интерпретационного ресурса. Но они не охватывают этот ресурс целиком.

Когда мы говорим, что все сознание имеет функциональное содержание с интерпретационной компонентой и т. д., мы, конечно, имеем в виду сознание как некий идеализированный объект анализа. Проблема возникает уже на уровне того, чтобы собрать хотя бы основные части, детали интерпретационного ресурса где-нибудь в одном месте, на одной площадке, затем исследовать в таком локализованном виде, узнать, какими бывают эти интерпретационные средства. И уже совсем другая проблема – собрать из этих извлеченных из тайных недр психики фрагментов интерпретационного поля – скрываемых, неудобных переживаний, надежд, представлений о счастье и т. д. – некую конструкцию, центрирующую, осуществляющую, так сказать, профессионально интерпретационные обязательства. Методологию валюативного анализа можно рассматривать как вариант решения проблемы.

Список литературы

Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: ДИК, 2003. 440 с.

Коротченко Ю.М. Валюатив: опыт структурного определения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия». «Культурология». «Политология». «Социология». 2011. Т. 24 (63). № 3–4. С. 35–45.

Морозова М.Ю. Коллективное верование как предмет социально-философского исследования: Дис... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/kollektivnoe-verovanie-kak-predmet-sotsialno-filosofskogo-issledovaniya> (дата обращения: 22.11.2015).

Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст: Пер. с англ. А.В. Борисенковой; под научн. ред. А.Ф. Филиппова // Социол. обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25–43.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Ст. и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63–170.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Ст. и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Хантингтон С.Х. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В.Р. Ракинтянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Шелер М. Избр. произведения / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Valuative Modeling of Collective Consciousness

Yuliya Korotchenko

CSc in Philosophy, Associate Professor. Department of Philosophy. Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Avenue, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

It is researched the possibility of modeling the interpretative activity of the collective consciousness in the spirit of philosophical analytics. As a model it is proposed the collage construct called *valuativ* which combines the basic forms, means, results of interpretative activity of the collective subject – presentation of the heroic, hostile, normal, valuable, and language, artistic creativity and ideology. Along with the above key properties – to be synchronized as a collage and to contain ingredients so that each of them tends to cover the whole field of evaluation being actually functional in their substructural boundaries *valuativ* carries out important social functions. It would be a mistake to disclose its function only according to its fragments taken isolated from each other and distinguish making heroes, regulating etc. *Valuativ* is the integrity of its identities and, therefore, its functions should be defined as functions of the whole. The functions carried out by *valuativ* such as interpreting, motivating social action, organizing and centering community of any scale, differentiating society into “territories of *valutivs*” are revealed. It is emphasized that the interpretive function is dominant. The author suggests the analysis for the structure of the interpretive process in its relation to *valuativ* matrix. The object of interpretation is the social reality fragments; the means for interpretation are given in the *valuativ* matrix lines; the results of interpretation are presented as objects of social reality which refer to *valuativ* matrix lines. The possibility of internal varying depending on what *valuativ* component centration is made. At the same time none of the possible models is not considered to be objectively superior to others. Special attention is given to pan-axiological model as to one which pretends to predominance and which is based on speculative substantial interpretation of values.

Keywords: collective consciousness, collective consciousness interpretative activity, interpretive models for interpretative activity, *valuativ*, *valuativ* matrix

References

- Bagdasaryan, V.E., Sulakshin, S.S. *Vysshie tsennosti Rossiiskogo gosudarstva* [The highest values for Russian state]. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ., 2012. 624 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. “Evropeiskii nihilizm” [European nihilism], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 63–170. (In Russian)
- Heidegger, M. “Pis'mo o gumanizme” [Letter on humanism], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 192–220. (In Russian)
- Huntington, S.F. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies], trans. by V.R. Rakintyanskii. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2004. 480 pp. (In Russian)
- Korotchenko, Yu.M. “Valyativ: opyt strukturnogo opredeleniya” [Valuativ: an experience of structural definition], *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: “Filosofiya”. “Kul'turologiya”. “Politologiya”. “Sotsiologiya”*, 2011, vol. 24 (63), no. 3–4, pp. 35–45. (In Russian)
- Morozova, M.Yu. *Kollektivnoe verovanie kak predmet sotsial'no-filosofskogo issledovaniya* [Collective belief as a subject for socio-philosophical study]. Dissert. d-ra filos. nauk: 09.00.11. Moscow, 2002. (In Russian)
- Ricoeur, P. “Model' teksta: osmyslennoe deistvie kak tekst” [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text], trans. by A.V. Borisenkova, ed. by A.F. Filippov, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2008, vol. 7, no. 1, pp. 25–43. (In Russian)
- Ryabov, A.V., Kurbangaleeva, E.Sh. (eds.) *Bazovye tsennosti rossiiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Russian's basic values: social orientations. Life strategies. Symbols. Myths]. Moscow: DIK Publ., 2003. 440 pp. (In Russian)
- Scheler, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], trans. by A.V. Denezhkin, A.N. Malinkin, A.F. Filippov; ed. by A.V. Denezhkin. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 490 pp. (In Russian)